

Николай Кокухин

РАЙСКАЯ ПТИЧКА

*повесть о современной
подвижнице благочестия*

Оршин монастырь
2022

*Смирил Себя, быв послушным даже до
смерти*

Флп. 2, 8

Смирись пред Господом, и вознесет вас

Иак. 4, 10

*О человек! сказано тебе, что – добро и чего
требует от тебя Господь: действовать
справедливо, любить дела милосердия и
смиренномудренно ходить пред Богом твоим
Мих 6, 8*

Вступление

Сосновый бор был насквозь пронизан солнечным светом и казался золотым. В бездонно-синем июльском небе реяли островки редких ярко-белых, как кипень, облаков. Воздух силился очнуться от сонного забытья, но это ему никак не удавалось. Терпко пахло прошлогодней сосновой хвоей, которая терракотовым ковром покрывала лесные тропинки. Солнце остановилось в зените и, казалось, не собиралось двигаться дальше. Русский июльский полдень был тих и умиротворенно-задумчив.

Вдруг в просвете высоких янтарных сосен мелькнул купол храма, а над ним – золотистый крест. Перед нами возник Оршинский женский монастырь.

Мы прибыли сюда не случайно. Одной из насельниц этой обители – монахине Ефреме – исполнилось девяносто пять лет, и мы решили поздравить ее с этой славной датой. С нею мы были знакомы давно-давно. Лет сорок-сорок пять назад она жила в Торжке и служила псаломщицей в местном храме, настоятелем которого был наш духовный отец. Мы изредка приезжали к нему, и матушка Ефрема (в то время просто Ангелина Синяева) принимала нас в своем домике.

Мать Ефрема нас сразу узнала, очень обрадовалась, засуетилась было насчет угощения, но мы сказали, что это излишне. Она сидела в удобном кресле, а перед нею были ходунки; матушка была в светлом апостольнике с веселыми цветочками, из-под которого выглядывала кофта, тоже с веселыми цветочками; крупные, натруженные, узловатые руки покоились на коленях. У нее было простое, открытое лицо, глаза смотрели несколько устало. Седые, гладко зачесанные волосы, убегая под апостольник, открывали высокий белый лоб.

– Надесь меня навестил отец Владислав, – сказала она, оглядывая нас.

– *Он тебя не забывает.*

– Нет, не забывает. Он сказал: «Благословляю тебя дожить до ста лет».

– *А ты что?*

– Ну что я? Мое дело маленькое...

– *Правильно. Слово духовного отца – закон.*

– Я бы и рада умереть, но если он сказал... придется жить... Все мы не годимся, а все на свете живем...

– *Пять лет – это немало.*

– Если бы мне было, к примеру, лет семьдесят, то я бы с радостью... а тут... покряхтела, покряхтела, а пришлось смириться...

В течение нескольких дней мы – я и моя супруга Людмила – беседовали с монахиней Ефремой на разные темы. Меня поразила ясность ее мышления и прекрасная память. Для нее это была большая нагрузка, она уставала, но мы ни

разу не услышали из ее уст какого-либо упрека или жалобы – она воспринимала все, как из руки Божией.

Записи наших бесед и составили содержание этой книги.

Глава первая

«С Богом везде хорошо»

– *Мать Ефрема, вот ты долго прожила, растолкуй, пожалуйста, что такое судьба?*

– Н-да, судьба... это такая вещь, что... не так-то просто ответить... – Она вдруг улыбнулась. – Вот доживешь до моих лет, тогда и узнаешь, что такое судьба.

– *Ну, мне такое расстояние не одолеть. Может, шестьдесят три, самое большее, шестьдесят три с половиной, а дальше все покрывается туманом... Как говорится, жизнь прожить – не поле перейти.*

– Поживи подольше, так увидишь побольше. Могу и по другому сказать: поживи с наше – увидишь еще краше... Жизнь, она-то здесь немножко, а за гробом остальное. Надо стремиться к Богу, через Него только можно получить Вечную жизнь. Да и тут-то, на земле, без Бога жить очень плохо. А с Богом везде хорошо.

– *А какое для тебя самое счастливое время? В юности, в зрелом возрасте или под старость?*

– Наверно, в зрелом. В юности-то что ж, я молодая была, ошибки делала. А может, и в юности, потому что я в такое время жила, что не приходилось мне заниматься юношескими делами. Я была человек серьезный. Не могу тебе точно ответить на твой вопрос...

– *Довольна ли ты прожитой жизнью?*

– Довольна.

– *Почему?*

– Я тяжелого в жизни не знала. Были скорби, но не такие уж трудные, что не перенести их. По-моему, каждый должен быть рад своей жизни. Ко мне люди всегда хорошо относились, и у меня не было врагов никогда. Я старалась так жить, чтобы никому не вредить. Господь осыпал меня Своими милостями, хотя я их и не достойна.

– *А смерти боишься?*

– Боюсь, конечно. Смерёдушка не где-нибудь, а за плечами стоит...

– *А почему ты ее боишься?*

– Грешила. Бога прогневишь – смерти не даст.

– А как меньше грешить?

– Кто чаще смерть поминает, тот меньше согрешает... Сейчас-то я под покровом Ангела хранителя, а когда душа вылетит и окажется одна, то бесы со всех сторон. Если уж сейчас на меня налетают целыми стаями, то после не знаю, что будет.

– *Их задача – утратить... Как ты с ними воюешь?*

– Известно как: крестное знамение и молитва.

– *А Страшного суда боишься?*

– Неужели ж нет? Он потому и называется Страшный, что все боятся его.

Ни хитру, ни горазду, ни убогу, ни богату суда Божьего не миновать.

– *Что ты скажешь о сегодняшнем времени?*

– Больше горя – ближе к Богу.

– *Что нас ждет?*

– Что ни будет, то будет, а будет то, что Бог даст.

«Благословляю в монастырь»

– *Как ты попала в монастырь?*

– Ни о каком монастыре я и не мечтала. Господь привел.

– *А как именно?*

– Дело было так. Я протопила печь, и чтобы тепло сохранилось, решила закрыть вьюшку; поднялась на двухступенчатую табуретку, потянулась к вьюшке, голова моя закружилась, и я свалилась на пол; ни подняться, ни пошевелиться не могу; лежу, превозмогая боль; пролежала вечер, всю ночь, пролежала еще полдня; молилась, молилась и устала молиться. Наконец, появилась Маргаритушка, моя подруга, которая изредка навещала меня. Всплеснула руками: «Что с тобой, моя дорогуша?» «Да сама видишь – еле жива». Она видит – дело плохо, без больницы не обойтись. Привезла меня в больницу. Доктор осмотрел меня, покачал головой: «Сломана шейка бедра – надо делать операцию; согласна?» «Нет, не согласна». Какая уж тут операция, мне ведь уже за девяносто, умру под ножом.

Маргаритушка стала хлопотать, куда меня определить. Конечно, самое лучшее – мой дом. Но кто будет за мной ухаживать? Долго Магаритушка ломала голову, но так ничего и не придумала. «Поедешь в монастырь?» – спросила она меня. «Я к нему не приспособлена. Кому я там нужна?» «Другого пути нет». Я позвонила своему духовному отцу. Отец Владислав сказал: «Благословляю в монастырь». Что мне было делать? Пришлось смириться...

Так я оказалась в Оршине. От креста своего разве можно убежать?..

«Вот эту девушку надо постригать!»

– *Ты очень хотела стать монахиней?*

– Я не думала, что меня так скоро постригут, и не собиралась с мыслями по этому поводу. А матушка игуменья говорит однажды (идем мы из церкви): «Вот эту девушку надо постригать». Ну и все. И вдруг, как гром среди ясного неба: «Постриг!» Но не очень я боялась. А во время пострига страшновато было. Игуменья с одной стороны, вторая игуменья – с другой. Я даже падала. «Падаю, падаю...». А игуменья: «Не упадешь, не упадешь». А потом я стала такая смелая, громким голосом отвечала на вопросы. Даже мне стыдно, что так осмелела, что, мол, не страшно это. И теперь стыдно, когда вспоминаю. Сестры, которые присутствовали при пострижении, стали подходить ко мне и поздравлять. А когда все закончилось, мы стали Псалтирь читать с послушницей Любой. Сестры проводили меня домой с молитвой.

– *Уже два года прошло, как ты постриглась?*

– У меня там записано. Мне кажется, что полгода.

– *Хорошо быть монахиней?*

– Для меня не очень хорошо, потому что я плохая монахиня. Если бы хорошая была, было бы хорошо, а я много делаю ошибок и себе послаблений.

– *Мать Елисавета твоя восприемница, она тебя приняла после пострига.*

– Я знаю, что она молится обо мне; я чувствую ее молитвы...

Глава вторая

«Никола угодник мне всегда помогает»

– *Кто твой любимый святой?*

– Никола угодник. Как только что-нибудь трудненькое, я сразу к нему: «Помоги, Никола угодник!», и все пройдет. Он всегда мне помогает. Он, можно сказать, за ручку ведет меня всю жизнь...

«Я человек грешный...»

- *Мать Ефрема, какое у тебя ухо лучше слышит, правое или левое ?*
 - *Оба худые, а глаз один совсем не видит, а другой немножко видит.*
 - *А у блаженной Матроны вообще глазки не видели, но она абсолютно все видела: кто к ней приходит, какие у него нужды. Вот мы к тебе тоже пришли. Если у тебя физическое зрение слабеет, то духовное, наоборот, улучшается.*
 - *У меня духовное зрение не развито. Я человек грешный.*
 - *Мы тоже грешные, и что же делать?*
 - *Каяться, и больше ничего. Греха шляпой не покроешь.*
 - *А родители тебе снятся?*
 - *Да, снятся, я их помню.*
 - *Что они тебе говорят или что ты им говоришь?*
 - *Я говорю: «Помолитесь за меня», а они мне: «Не бойся!». А я боюсь, буду грамоту-то держать в гробу, в земле-то лежать, ой как страшно!*
 - *Так это же тело только будет лежать, а тебя там не будет. Ты будешь сверху смотреть. Чего тебе бояться?*
 - *Душа-то пойдет с грехами со всеми наверх... Все равно страшно. Как пишут в книжках: одну похоронили женщину, пришлось ее откапывать, потому что муж потерял свидетельство, документ какой-то. Искали, искали, ничего не могли найти, а она приснилась ему и говорит: «Раскопай и возьми у меня в гробу. Только не гляди на меня». Они раскопали ее, и правда: там лежит свидетельство. А как не поглядеть. Разобрало их любопытство. Они открыли, а там страшная змея ее обвивает. Они и не рады...*
- Мать Ефрема, задумавшись, некоторое время посидела молча, о чем-то про себя рассуждая.

«Жизнь хорошая, это я плохая...»

- *Как, по-твоему, что такое жизнь?*
- *Я знаю, что ничего не знаю. Я не знаю, кто так сказал, но знаю, что он это сказал.*
- *У тебя какая жизнь получилась?*
- *Какую Господь дал. Раньше мне казалась – плохая, а теперь я поняла, что она не плохая. Плохая я, а жизнь не плохая, жизнь хорошая. Вот я помню, в молодости... я вообще страдаю унынием, это тяжелый грех-то, и я в молодости страдала унынием, и в одно время лежала в этом унынии день и ночь. Ничего не ела, никуда не ходила, вот мне тогда казалось, что плохая жизнь. А чего плохого? Это я плохая. Не могу страсти побороть, а страсти мои с детства, и самая главная – лень. Надо покаяться, надо изживать эту лень. А я-то плохо*

изживаю, лежу на кровати, вспомню, ой, надо вставать скорей. Надо волю сильную иметь, чтобы встать...

– *А если бы Господь дал тебе вторую жизнь, как бы ты ее прожила?*

– У меня воля слабая, поэтому не могу ручаться, что прожила бы по-другому. Умные люди говорят, что я бы прожила совсем по-другому, а я не могу ручаться. Жизнь будет другая после смерти, и уже там дадут то, что ты заслужил на земле. Хочешь, не хочешь – принимай.

– *А ты готова к другой жизни, за гробом?*

– Нет. Бог-то берет ведь человека когда он готов. Потому что Он любит людей и не хочет им плохого. А вот я потому и живу долго, что не готова. Ночь-то у меня проходит, я не сплю – вставай, молись. Поклоны класть я не могу – у меня ноги не сгибаются. А мне нравятся поклоны, раньше я клала их, и очень они помогают. А теперь не могу, надо сердце мобилизовать на молитву, а я ленивая. Ничего и не выходит у меня.

– *Люди умирают иногда от тяжелой болезни...*

– Господь страдания, конечно, засчитывает. Но все равно надо работать над собой. Чего у меня и нету. Господь сказал, что зло будет умножаться до тех пор, пока земля не сгорит.

– *Жить сейчас очень трудно, но Господь это зачтет, потому что мы сейчас живем как будто в аду, особенно в Москве.*

– Уповать на милосердие Божие надо. Живи, поколе Господь грехам терпит... Серафим Саровский говорит, что путь спасения простой у нас: исполняй заповеди, и все. Мы сами все усложняем...

– *Для чего нам даются скорби?*

– Чтобы воля наша укреплялась. Мы же боремся со скорбями и просим Бога, – ведь самое главное, чтобы вера наша крепла. Плохо, что мы оправдываем свои плохие поступки. Но и учимся, как надо завтра жить, чтобы этого не повторилось.

– *А у тебя много было скорбей?*

– Я ничего не помню в своей жизни, чтобы у меня было тяжелого, скорбного. Я прожила, как все равно в гостях. Все ко мне хорошо относились всегда. Начальство, когда я работала, не ругало меня. Других ругают, а меня – нет...

Глава третья

«Моя мама была псаломщицей»

– *Мама твоя была, конечно, воцерковленным человеком...*

– Она была псаломщицей и помогала батюшкам совершать богослужение. В Прутне помогала, еще где-то... Тогда мало было таких людей, как она. Собирались тайно по домам, приходили только свои люди. А церкви уже потом стали открывать.

– *Её, если не ошибаюсь, после войны выслали в Казахстан.*

– Я ездила туда ее навестить, пробыла там два дня. Я же девчонка была. Как я решилась на это? Бог помогал: все шло как по маслу. Один раз ехала на попутной машине; на повороте меня высадили и говорят: вот, иди по этой тропинке. Я и побежала. И нигде ничего не видно, только козы дикие бегают. Шла-шла и вдруг увидела какой-то дом. Ну, значит, деревня. Я побежала туда. Прибежала в первую избушку спросить, а мама тут и живет. Она очень обрадовалась моему приезду, обняла меня, стала расспрашивать, как да что. Мы не спали всю ночь, все разговаривали...

Глава четвертая

Отец Сергей (Сребрянский)

– Ты была знакома с преподобноисповедником Сергием (Сребрянским). Расскажи об этом.

– Да, действительно Господь Бог сподобил с ним видеться.

Протоиерей Митрофан (таково имя отца Сергия в миру) был духовником Марфо-Мариинской обители. Вскоре он и его жена Ольга постриглись в Ангельский чин. В 1925-ом году большевики обитель закрыли, часть сестер сослали в Тверскую область. Архимандрит Сергей и его жена (монахиня Елизавета) выехали на родину Елизаветы в село Владычня в той же Тверской области. Они поселились в бревенчатом, покрытом дранкой родительском доме. Частенько его посещали духовные дети.

Меня привела к нему моя духовная подруга Александра Дроздова. Он нас принял очень тепло, как своих близких друзей. Поговорил со мной, спросил о родителях. Я сказала, что у меня мать только есть, отца нету. «Как звать твою маму?» «Анна». «Ну, значит, ты Ангелина Анновна», – пошутил он. Ну вот, так мы поговорили с ним. Давно это было. Я была юной девочкой, а сейчас я старуха.

Когда мы прощались, он подарил мне свою фотографию, молодой он на ней. На моей работе одна девушка попросила у меня эту фотокарточку, она тоже была у него в гостях. Ну, я отдала, что ж, раз человек хочет.

Его жена на печке лежала. Отец Сергей сказал про нее: «О, это высокий человек!», имея в виду высоту ее духовной жизни.

В этом селе были люди, которые ненавидели Церковь; они относились к отцу Сергию очень враждебно и написали клеветническое письмо в ОГПУ. Батюшку арестовали и приговорили к пяти годам ссылки в северный край. Ему в то время было шестьдесят лет, здоровье его было сильно подорвано.

Отбыв ссылку, отец Сергей вернулся в село Владычня. На этот раз он поселился в доме, купленном его духовными детьми. Это была изба с русской печью. Здесь прошли последние годы его жизни...

Новомученик

– Расскажи про священника Александра Пятницкого. Как ты с ним познакомилась? Он же новомученик?

– Он родился в деревне, поблизости от Таложни, в тридцати километрах от Торжка. Где-то я прочитала, что жена его была тоже из деревни. Он учился в Ленинграде и доучился до священника.

– Духовная семинария или академия?

– Академию он не кончил, только семинарию. Его взяли в армию. Сколько лет он прослужил в армии, я не помню, ну, сколько положено. А потом стал служить священником в Горьковской области. Наши ездили к нему. Потом его

перевели в Лугу, и туда мы ездили, и я ездила. Его матушка еще была жива, а в Новгороде заболела и умерла, там он ее и похоронил. Потом он стал ездить по своим старым духовным детям. Освободился от службы, ушел за штат. И к нам приезжал.

– *Он сидел в лагерях?*

– Наверно, сидел. Потому что у меня есть карточки его после тюрьмы: худенький такой. А сколько просидел, я точно не знаю. Он приезжал к нам – такие были дни счастливые для нас. Он нас исповедовал и причащал. Одна наша подруга (она пела на клиросе) работала в Торжокторге и могла достать кое-чего хорошего из еды. Она была его духовной дочерью, очень любила его. Ездил к нему, где он служил. У нее мы собирались, когда батюшка приезжал, за круглым столом. Батюшка рассказывал много интересного, многому мы у него научились. Теперь я читаю книги, вспоминаю, что нам батюшка говорил.

Я была в Луге у него и в Новгороде. Помню, как-то ночевала у него. Когда утром встала, думаю, надо как-то батюшку отблагодарить. А как? Деньги давать неудобно. Я взяла крупную купюру, сложила ее несколько раз и засунула в провод (как раз перед моей кроватью был провод). Ничего никому не сказала. Думаю, найдут.

Забавный котенок

– *Что ты знаешь про новомученика епископа Тверского Фаддея?*

– Мало что знаю. Мне про него рассказывала Александра Михайловна Дроздова, его портниха. Запомнился один интересный эпизод. Владыка частенько приходил в гости к верующим, это были ее и мои знакомые. Вот сидит он за столом, пьет чай. А маленький, забавный такой котенок поднимается к нему на плечо, а потом прячется под его длинные волосы. Владыка и ухом не ведет, сидит, как будто ничего не замечает. Он был очень добрый и очень смиренный.

Людмила:

– *Мы вчера проезжали мимо тюрьмы, где он сидел и где его расстреляли; подошли к стенам, спели ему тропарь, а потом поехали на кладбище, где он был похоронен.*

Еще мне запомнилось про него. Когда владыка Фаддей приехал в Астрахань, весь народ собрался на площади перед вокзалом встречать. «Где ваш багаж?» А багажа-то у него не оказалось, только какой-то затертый саквояжик. Он был потрясающим человеком, никогда не заботился, что есть, что пить, даже когда приходили, спрашивали местные власти: «А как вы питаетесь, чем живете?» Говорит: «Мы живем подаянием». То есть накормят его – он ест, не накормят – не ест. Обновленцы приходили к нему каяться и возвращались в Православную Церковь.

Глава пятая

«Я пришел к вам умирать...»

– *А протоиерей Павел Данилов, который приходил петь на клирос, тоже пострадал за Христа?*

– Он сам ржевский, но не из самого Ржева, где-то близко. Он был очень хороший человек, душевный, и все его звали Панюшка. Его посвятили в дьякона, а забрали в тридцать шестом году. Матушка у него осталась и трое детей, они в Торжок приехали. Купили тут домик, как раз около меня, рядышком, в подвале, правда. Дом двухэтажный, но они только один подвальчик могли купить. Дом такой, что как только дождик, так половики по полу плавают.

– *Сколько он отсидел?*

– Он очень хотел домой и потому работал старательно, работа там засчитывалась, и заработал он год, наверно. Забрали его в Скорбящую Божию Матерь и в Скорбящую отпустили через девять лет. А в это время сын купил в доме низ, и они в этот низ переехали: и матушка, и сестра, и брат, и жили там. И вот в Скорбящую мы служим, уже служба кончается, и вдруг отец Павел приходит (он ростом высокий) и говорит: «Пришел к вам умирать». Но это не оправдалось, он еще ходил на клирос, пел. Он слабенький очень был. Матушку похоронил, сына похоронил. Сын облучился у него. Дочка Зоя у них была замечательная, она их и держала, только отдельно жила, замужем была. Каждый день с сумкой к ним; и стирала, и готовила, и пекла – заботилась о них. Матушка была старше отца Павла лет на пять. И она умерла. Как батюшка переживал ее смерть! Похоронили там же, где и Романа, его сына. А Зоя ходила к ним все время, не бросала их. Это все на моих глазах было, потому что они жили рядом.

– *Почему батюшка не служил, только пел на клиросе?*

– Он к этому времени уж сильно ослабел. А раньше служил по всем приходам Калининской области. Он такой был службист – и в Осташкове, и в Кувшинове, и еще село одно. Потом, когда уже перестал служить, так заменял многих священников. Когда какой-нибудь священник уходит в отпуск, то не знали, кто его заменит. И не отпускали, потому что замены нет. А отец Павел всех заменял. Велики труды его к Богу...

В Волочке служил, там церковь-то внизу: лестница длинная. А уж по лестнице-то едва-едва поднимается. Потом вышел на пенсию, приехал к нам и пел на клиросе, он хорошо тоны знал. Мы были очень рады, что он с нами пел...

Однажды вечером Зоя стучит в окошко: «Отец Павел приказал долго жить». У нее на руках умер. Я сразу пошла, стала читать Евангелие над ним. Я знала, да не сказала, что нельзя открытое лицо держать. Я стеснялась сказать им: родные кругом, им же дорого это. Капитолина пришла утром и сразу закричала: «Что же вы не закрыли лицо-то»?

– *Уже в храме?*

– Нет, дома. Он на кровати лежал. Я читала около него...

Глава шестая

«Торжок разбомбили очень сильно»

– *Тебе было всего двадцать лет, когда началась война. Как ты это пережила?*

– Я и не переживала никак. Война и война, она нас не касалась, где-то там воюют. Выйду на улицу, посмотрю на небо: зенитки бьют. Слышно – стреляют. В небе черные пятна. Но я не думала, что это такая страшная вещь. А потом как налетели на Торжок! Один самолет, другой, третий. Все в ясное время, в ясные дни. Когда облака, то не видать; смотрим в окошко – какое небо; рады, когда облака. Разбомбили Торжок очень сильно; несколько часов бомбили. И в нас бомба могла попасть; быть бы худу, да Бог не велел.

Побежала я домой узнать: мама-то жива или нет? Окопы нас заставляли рыть, чтобы в окопы прятаться. Мама, слава Богу, осталась жива. Второй налет был ночью. Светильники они вешали и бомбили. Ой, как было страшно ночью! Наши бабушки прямо в канавы так и падали. Как налет, так мы бежим к лесу, а потом дальше, в деревню. Многие в деревне прятались. Нас пускали – такое время.

– *А были бомбоубежища?*

– Общего такого не было. Частные только заставляли рыть. К нам беженцы в Торжок прибегали со всех мест. После бомбежки бежим как-то, смотрим: на улице стол стоит с едой.

– *Как это понять?*

– Дом разрушен, а стол с едой чудом уцелел. Как люди ели, так все и осталось.

– *А вы как? Брали еду?*

– Нам было не до еды. Мы были рады, что остались живы.

«Я была болезненная девочка»

– *Мать Ефрема, где твоя родина?*

– Царское Село, но я в нем жила мало очень, меня маленькую увезли в село Кузьмино, три километра от Царского Села, и там я жила пять лет. Хорошо помню это село, потому что начала писать свою биографию по просьбе матушки... У нас две козы были.

– *В Кузьмино?*

– Да, Зойка и Ритка. Зойка беленькая, Ритка серенькая. Папа за ними ухаживал; на кладбище их привязывал – там много зелени; доить пойдут – мама доит, а папа стоит рядом. Папа шагнет шаг, и коза за ним.

– *А когда переехали в Лодейное Поле, там коз уже не было?*

– В Лодейном Поле куры у нас были. Мы там купили домик маленький, и курятник поставили в кухне, и несколько курочек.

В Лодейном Поле люди очень гостеприимные, простые. Там была фабрика какая-то, и они все работали на фабрике.

Жили мы в двухэтажном доме, каменном. Помню, как мы играли; утром выхожу на улицу, кричу: «Юрик!» Это мой был дружок, в этом же доме. Выходит, берет меня за руку, и мы идем на другую сторону, потому что там солнце. И там играем целый день.

А потом смотрю: мама является моя, и мы идем домой. Она готовит обед, а я стою на стульчике рядом. Говорю ей: «Мама, ты будешь старенькая, я буду тебя кашкой кормить, кисельком поить».

Папу перевели к нам, в Лодейное Поле.

– *Он был священником?*

– Нет, дьяконом.

– *А кто спрашивал: «Ангелочек, как ты себя чувствуешь?»*

– Это одна знакомая, в Кузьмине. Я была, наверно, хорошенькая, маленькая. Она звала меня: Нися. «Нисенька, как ты живешь»? Отвечаю: «Богу

слява (слава), только каселек (кашель)». Когда идем, за ручку меня ведет. У меня и фотография есть, как я в зеленом камлотовом пальтишке.

– *Мы не знаем, что такое камлотовое, представить себе не можем. Это летнее или весеннее, или зимнее?*

– Весеннее, наверно. Мама сама сшила; у нас была машинка швейная.

Папа всегда приходил домой с лекарствами, с капельками от простуды, потому что я кашляла, и была такая сырая девчонка, болезненная. Я с удовольствием их пила; потом их не стало...

Глава седьмая

«Батюшка, пройдемте с нами...»

– *Мама кем работала?*

– Учительницей. Она научила меня читать очень рано.

– *А учительницей чего? Начальных классов?*

– Да. Она закончила духовное училище женское, оно было под патронажем Императрицы Александры Феодоровны.

Потом мои родители решили купить собственный домик. Мы прожили в нем совсем немножко. Этот домик был на усадьбе соседа; это его собственность, а мы как квартиранты; нам, лишенцам, нельзя было иметь собственности. В конце концов его прижали: ты богач, у тебя два дома. Пришлось нам продать дом – опять по квартирам.

– *Как перебивались?*

– С трудом. Все духовенство были лишенцы. Нам карточек не давали хлебных. Верующие поддерживали нас, сочувствовали. Папа приходил из церкви, брал корзиночку маленькую, шел к магазину, и ему с заднего хода давали хлеба немного.

– *А папу забрали ночью?*

– Рано утром; обыск делали всю ночь.

– *А что там было в одной комнате обыскивать всю ночь?*

– Они все перебирали, все шмотки. А потом так вежливенько: «Батюшка, пройдемте с нами». Папа накинул легонькое пальтишко и пошел. Мы с мамой дожидаемся, что придет папа – никакого папы нет.

Пришли к матушке ее знакомые и говорят: «Уже увезли наших батюшек; мы своим дали одежду теплую и еды надавали. Ваш батюшка сказал: «Передайте привет моей Ангелинушке».

Мы ждали папу, ждали долго. До десяти лет ждали, и даже запросы мама делала. Ей написали, что их выслали в дальневосточные лагеря, а на самом деле они через три месяца были расстреляны...

Тогда каждую ночь пропадали люди. Утром встанешь – одного нету. На другое утро – другого нету. А ночью – тук, тук, тук, – конные; ничего такого не говорили, не ругали, а только: «Пройдемте с нами».

И так мы стали тогда жить с мамой, а потом и маме высылку предъявили.

– *И как вы?*

– Думаем: куда нам уехать-то? Советовались, советовались — не знаем, куда ехать. Потом решили: поедем в Торжок. Приехали, нас не пускает никто, боятся – тогда время такое было. Записку привезли даже от знакомых, нет, не пускают. Я поступила в медицинскую школу. Мама говорит: надо тебе специальность получать, я не могу тебя прокормить. Она ходила и искала квартиру, где нам жить. Две недели жили в «Доме крестьянина». Потом нашли квартиру. Первая была такая: пять человек маленьких детей, муж и жена в подвале. Нам маленькую комнатку уступили в этом подвале, но было сыро, вообще неудобно, даже туалета не было, приходилось бегать в сарай. Потом я уже кончила медшколу. И меня назначили в райздрав, помощником санитарного врача. Потом в Тверь, в лабораторию областную, решили химика из меня сделать, лаборанта. В это время санэпидстанции начали открывать; меня перевели в санэпидстанцию. Надо было все-все доставать, а доставать трудно, да я девчонка глупая, маленькая, боюсь. Но все-таки с помощью врачей справлялась.

«Давайте все вместе прославим Царицу Небесную...»

– *Мать Ефрема, спой нам что-нибудь.*

Она поет «Милосердный Отец», «Слава Богу за все», «Не тоскуй ты, душа дорогая...»

– *Ты много знаешь духовных песен?*

– Да могу петь вам хоть до вечера.

– *Какое у тебя любимое песнопение?*

– «Да исправится молитва моя». И еще, конечно, «Царица моя Преблагая». Давайте все вместе прославим Царицу Небесную.

– *С большим удовольствием.*

Мы все дружно поем «Царица моя Преблагая».

Глава восьмая

«Христовы слова самые дорогие...»

– Скажи, пожалуйста, какое место Евангелия тебе больше всего нравится?

– Я об этом не думала. Евангелие все близко к сердцу, а какое место... Христовы слова-то самые дорогие, а какие они... я не могу сказать... Надо долго думать, вспоминать, а так с налету...

– *Может быть, то место, где Он говорит: «Я есмь пастырь добрый: пастырь добрый полагает жизнь свою за овец» (Ин. 10. 11)?*

– Ну, золотые слова, конечно.

– *Что тут говорить, каждое слово Евангелия – это мудрость сверхмирная, сверхчеловеческая....*

– Евангелие – это истина из истин...

– *А вот этот акафист – Иисусу Сладчайшему, кондак которого ты напевала, его часто читали в Михайло – Архангельском храме?*

– При отце Павле вообще акафисты часто читали. А при других священниках... ведь у нас священников очень много прошло... отец Александр, он первый, двадцать лет служил. После него все молодые, каждый год кто-то другой....

Многое поменялось, в том числе и на клиросе. В последнее время уже некому было длинные-то петь песнопения, так короткие пели, особенно те, которые все знали.

– *Расскажи про Божию Матерь. Как ты молишься, как ты с Ней общаешься? Как ты Ее любишь...*

– Есть акафисты для этого. Ну и стараюсь я молитвы читать вдумчиво. Свет в храме от свечи, а в душе – от молитвы... Сестры в нашем монастыре

читают быстро, им некогда, у них много послушаний. А я человек свободный, читаю долго. Каждое слово стараюсь осознать. И, конечно, такая молитва больше приносит пользы для души. Самой приятнее, чувствуешь, что помолился. Тут как бы с Богом разговаривал; если все это прочувствовать, ох, как хорошо!

Людмила:

– *Это правда. О Тебе радуется, Благодатная, всякая тварь, Ангельский собор и человеческий род. Удивительно написали... особенно меня трогают задостойники двенадцатых праздников, которые написал или Косьма Маюмский или Иоанн Дамаскин. Там такая поэзия, такая красота! Но сейчас очень быстро поют в Москве, всем некогда.*

– Такая жизнь пошла. Сами такую жизнь и сделали.

– *Они писали стихами; и что удивительно, они же все сирийцы. Почему Сирию так ненавидят, бомбят и бомбят ее... Косьма Маюмский был названным братом Иоанна Дамаскина, рос в его доме. Они писали стихами, и иногда сложно перевести, если это не стихотворный перевод. Например, «Радуйся, Царице, Матеродевственная славо», очень сложный перевод, но если вдуматься и много раз повторять, то что-то начинает проясняться.*

– Мы такие несчастные люди, теряем самое дорогое. Гонимся, сами не зная за чем, то, что не сегодня-завтра оставим здесь, на земле. И никогда мы об этом не думаем, а надо бы все время думать. Дьявол прельстил первых людей, прельстил и нас, мы слабые...

– *Тебе, паче ума и словесе, Матерь Божию в лето Безлетного неизреченно рождшую, вернии единомудренно величаем.*

Это задостойник Вознесения. Как подумаешь, какой он дивный! Паче ума и словесе...

– А я так подумаю, нашим священникам очень трудно. Когда утром и вечером схожу в церковь, ой, чуть живая. А ухожу-то я от запричастной. Они еще сколько служат. Да еще треба... ой, ой, как трудно.

– *Очень трудно. А отец Владислав в свои восемьдесят лет еще катается в загородный храм. Утром там, вечером у нас.*

– В Троицке служит?

– *Да, служит очень часто. Казалось, уже какие силы у него, но не оставляет приход.*

– Это его любимое детище. Когда первый раз служили, дождик капал, потому что крыши-то не было – все промокли.

– *В Казанском, да? В разоренном храме? Ну да, там действительно крыши не было. В четверике была яма и вообще как в могильном склепе – очень было холодно. Летом печку топили...*

«Я стараюсь быть не гордой»

– *Мать Ефрема, ты гордая или нет?*

– Ну, конечно! Не гордых-то и нету, наверно. Я, конечно, стараюсь быть не гордой, а в душе-то у меня гордость есть. Если я даже хорошо поговорю с каким-нибудь человеком, не гордо, а в душе думаю: вот я какая молодец, не гордая. Это очень трудно быть смиренной.

– *А как приобрести смирение?*

– Терпением, послушанием. Самая главная добродетель монашеская – послушание. Все, что говорят, выполняй. А я никак не могу. В церковь иду, послушница мне говорит: не беги вперед, а постой на крыльце, пока я оденусь. Ох, я бегу изо всех сил, мне хочется самой добежать, открыть дверь, все самой сделать. А вот тебе и все пропало; ругают меня. Я вообще могу одна ходить. Нет, давай провожатого – зачем?

– *Жди, пока он соберется, этот провожатый?*

– Да. Ну, думаю, если упаду (упасть каждый может), то меня он поднимет, потому что мне самой-то не встать. Ну что ж делать, придется слушаться. Слушаться неохота. Пока в церковь иду, три остановки должна сделать. Ой, батюшки мои, я никак! Ну, другой раз, когда устану, так постою немного.

Приду в церковь, а мать Александра, наш врач, меня ругает. Как она узнаёт про мое непослушание? «Мы так бились с тобой, чтобы ты выздоровела, мы и не думали, что ты ходить будешь. И вот ходишь. Смотри – упадешь, будешь снова лежать». А я сама-то радуюсь, что хожу.

– *Слава Богу, за полгода все срослось.*

– Не знаю, за сколько, знаю, что первый год я лежала. И даже не представляю, как это я лежала. Потом вставать разрешили на пол ногами, потом шаг сделать, потом десять, потом по дому походить.

– *Потом на крылечке посидеть, потом с крылечка сойти.*

– Какое счастье! Как это я тогда вытерпела? Уж и забыла теперь. Бегаю себе, да и все.

– *Ты бегаешь сейчас, как молодая.*

– Задыхаюсь, правда. У меня сердце-то неважное, дышать трудно.

– *А ты Бога боишься?*

– Боюсь.

– *Сильно?*

– Сильно. Так это о чем говорит? Что у меня мало любви к Богу. Кто любит, тот не боится, а у меня вот мало любви.

Глава девятая

«Вообще я духом не падаю»

– *Ты жизнерадостный человек?*

– По-моему, да. Хотя и унываю. Но вообще я духом не падаю. Иногда падаю, а потом опять поднимаюсь. По милости Божией. Я считаю, что я пустой человек, ветреный такой, не задумываюсь глубоко. А иногда приходит такое сознание: ой, ой, что я делаю, ведь не сегодня-завтра я умру – промеж жизни и смерти и блоха не проскочит. Начинаю читать молитвы, по молитвеннику своему, весь молитвенник прочитаю, устану, и мне хорошо тогда, но это редко бывает. Все как-то что-то перебивает.

«Отец Владислав был для меня всё!»

– *Расскажи о городе Осташкове.*

– Здесь был Знаменский монастырь, его только-только передали Русской Православной Церкви; он был разрушен и осквернен; в первую очередь начали восстанавливать храм; в нем служил отец Владислав. Долго служил: сначала диаконом, а затем священником. Все его любили.

– *А о. Алексей зачем к нему приезжал?*

– О. Алексей служил в одном из храмов недалеко от Осташково. Он к отцу Владиславу приезжал посоветоваться, когда новую реформу выпустили: настоятель – хозяин церкви. Раньше настоятель ни во что не вмешивался, просто служил, да и все. А десятка или двадцатка хозяева были.

– *Ты ездила к отцу Алексию, когда о. Владислав не служил?*

– При Владиславе мне не было смысла уезжать. Он был для меня все! И брат, и сын, и настоятель, ну все он был для меня!

– *И духовный отец?*

– И духовный отец. Мне не надо было уже ничего. Он неделю служил у нас, потом уезжал на неделю в Москву, и вот в это время я уж за него прямо дышала.

Под конец службы я несусь домой, готовить обед, чай кипятить, о. Владислав попозже придет, а у меня уже все готово. А потом он ложится отдыхать.

Вскоре приехали его родственники; мальчишки привезли своих приятелей, стали баловаться; я их уговариваю, страшаю, чтоб они не возились, ведь тут отец Владислав отдыхает. Они ничего не слушают. Я матушке говорю: «Ну что это за безобразие!» А матушка мне и говорит: «Ну мы тогда уедем». Я и не стала соваться в их жизнь. Пришлось смириться...

Они сарай-то отделали; курятник там был, у хозяев прежних; я там в тиши и жила.

– *Ты даже в своем доме не жила почти?*

– Нет, уж я бросила свой дом – ходить далеко, я устала. Огород ведь был на мне. А потом, когда они собрались уезжать, я купила другой дом в Республиканском переулке, ближе к храму.

«Тридцать километров – и все пешком...»

– *Расскажи еще про отца Алексея...*

– Он жил в бане. Я там никогда не была. Что там у него? Книжки да облачения его. А когда приходит со службы, то все садятся за стол. Длинный такой стол. Он садится во главе стола, а если есть мужчины, то напротив садятся, рядом. Около него ставится большой чугунок, он из него наливает в тарелки и подает. Когда отец Владислав приехал как-то к нему, то он уточнил: «Я сам раздаю». Ну, а после обеда все идут на послушания, какие дает он.

У него была псаломщица, из простых таких, можно сказать, деревенских, она просто привыкла, да и все. А потом стали приходиться грамотные люди. Она, правда, тяготилась уже, ей тяжело было и служить, и обслуживать.

– *Тебе нравилось там, у отца Алексея?*

– Как не нравилось? При храме всегда хорошо. Служба, молитва, общение с друзьями-христианами, это все было мне по душе... Я жила там неделю или больше, помогала на клиросе: пела и читала.

Я ходила туда пешком, в то время никаких автобусов не было. Дорога длинная, тридцать километров, я иду-иду, пройду лес, начинается поле, поют жаворонки – очень приятная дорога. Обрато отец Алексей, бывало, провожал меня километров пять, до водоема; там плавали...

– *Утки?*

– Нет.

– *Выдры?*

– Нет.

– *Бобры?*

– Да что ты, бобры большие, а это маленькие.

– *Лягушки?*

– Нет, не лягушки.

– *Раки?*

– Наверно, как раз раки и есть. Там первый привал сделаем, он меня благословит и возвращается домой, а я иду дальше...

– *Про храм ты забыла сказать.*

– Храм старинный, очень хороший. Он его отстоял, когда разоряли храмы; у него все сохранилось в целости. Он с начальством был в контрах, а за то, что храм сохранил, его и щадили.

– *Храм-то какой был? Святителя Николая или Матери Божией?*

– «Знамения» Божией Матери... В большой сторожке мы все и ночевали. Там кровати двухэтажные: сверху два человека и снизу два, и на печке спят. Меня обычно клали на диван. Раскладушки там были. А если мужчин много, то они на кухне спали. После того как пообедаем, отец Алексей берет книжку и читает жития святых отцов. Бывало, еще что-нибудь расскажет. Помню его смешной рассказ: «Я пошел в лес и со мной попросился паломник Лукьян. Я решил над ним пошутить: присел за кустик и немножко зарычал: р-р-р-р! Как он припустил, бежал без оглядки до самой сторожки. Ну, расстояние небольшое, всего один километр...

Утром просыпаемся, отец Алексей из своей баньки приходит и, если нет службы, молитвы утренние читает, затем Евангелие, акафисты, каноны, Псалтирь... Если кто из паломников умеет читать по-церковнославянски, то тоже читает...

Иногда в лес ходили вместе с отцом Алексием, он любил это; кушали малину, смородину, лесная-то ведь ягодка куда вкуснее огородной.

– *А служил он часто?*

– Ну, не скажу, чтоб каждый день, но в праздники всегда служил. У нашей христианки Нины, у ее мужа, была машина, так вот, в выходные дни он отвезет нас к отцу Алексию, а потом привезет обратно, на другой день или на третий, смотря по тому, какие у отца Алексея дела. У батюшки большая территория и огород, они овощи сажали, да и помногу; косили траву. Помощники нужны, вот он и оставлял людей.

– *А потом открыли Борисоглебский монастырь, и ты стала туда ходить.*

– Да. Не знаю, как я бросила отца Алексея; переживаю до сих пор.

– *Ну, просто туда далеко, а тут рядом...*

Глава десятая

«Я каждую ночь в Торжке живу»

– *Духовная жизнь очень сложная. Что ты посоветуешь нам?*

– Не унывай, душе моя, уповай на Господа. Отец Владислав никогда не унывал.

– *Даже больной он служит. «Батюшка, как вы себя чувствуете?» «Великолепно!» Но если устанет, то скажет. Как-то, на день смерти моего*

папы, я говорю: «Батюшка, ну что, литию отслужите?» Он в ответ: «Ну что ты мне раньше не сказала, я бы отслужил, а теперь устал». Я говорю: «Ну ладно, вы же на Литургии его помянули, и хорошо». Иногда ночью не спит перед службой, тогда, конечно, ему уже сложно.

Спрашивает про тебя: «Торжок часто вспоминает? Там же вся жизнь ее прошла».

– Я каждую ночь в Торжке живу. Может, не каждую, но очень часто. Начну вспоминать, потом спохвачусь: ой, уже утро, за окном светло.

– А кроме «не унывай», что еще батюшка тебе говорил?

– Да он много чего говорил, я все не запомнила.

«Работа на огороде очень приятная...»

– Хорошо в Торжке жить: город маленький, зеленый, уютный... Когда приезжаю, то только радуюсь...

– Мне все в нем дорого. Вспоминаю места, где жила, людей... прекрасные люди там...

– Вот Георгий к тебе приходил, огород сажал под окошками. Куст помидоров, плеть огурцов.

– Ну, это уж в последние годы было.

– Жив он или нет?

– Не знаю. Как бы узнать-то; он ведь очень заболел. Георгий всю жизнь бился; ему попала жена суровая.

– Это ты про протоиерея Георгия говоришь, а я говорю про Георгия просфорника, который тебе огород сажал.

– «Белая ворона» его называли.

– Почему?

– Ну, не похож на других людей: к миру не привязанный...

– Но все, что он сажал, давало урожай. Помидоры появлялись на кусте, «черри», огурцы.

– Помню, помню.

– Я приезжала к тебе два года подряд, летом, и ты мне говорила: иди, огурчиков сорви.

– У меня морковка была в огороде, порядочная грядка. И картошку я там сажала сколько-то бороздок. А носить-то далеко, у меня огород длинный. Так я корыто приспособила...

– Как?

– Привяжу бечевку, все в корыто сложу, что надо, и везу – в корыте легко везти по траве. А уж приду, язык на плечо, корыто в сарай. Днем жарко работать, так я рано утром, часа в четыре просыпаюсь и иду на огород. Когда устану, приду, чайку попью и картошечки сварю – вкусна-а-ая. А потом, уже когда солнышко зайдет за деревья, выйду еще на огород; работаю до самой ночи, уж пока видно. Потом пойду домой опять с корытом со своим. Хотя было трудно это – работа на огороде, но очень приятная. У меня там кусты были малиновые, малинки поем...

– *Куст смородины был, я помню.*

– Да, была и смородина, два куста. И крыжовник был, но только он пропал, потому что я не ухаживала за ним. А слив сколько было! Валяются все, ой, жалко.

– *А варенье ты не варила из них?*

– Немножко, наверно, варила; я больше малину уважаю...

– *Варенье-то хорошее получалось?*

– Конечно. Я банками не запасалась, как люди добрые делают; мне некогда с банками возиться.

– *Грызуны не досаждали?*

– Досаждали, как же. У меня кошка была; без кошки мышам масленица. Мы раз сидим с Владимиром Ивановичем... ты Владимира Ивановича Белякова знаешь?

– *Да, он приходил как-то.*

– Сидим с ним однажды вечером, беседуем. Тишина такая. У него тоже голос тихий. И свет погашен. Смотрим, мышонок выбежал на стол.

– *Прямо на стол?*

– Да. Такой интересный; пляшет на столе. Мы замерли, смотрим; Владимир Иванович легонько кашлянул: как он дернул со стола. Мы долго смеялись.

– *Ты шитьем не занималась?*

– Шитьем? Если только дырки починить.

– *А дырок много было?*

– Не так чтобы много, но были, конечно. Особенно в хозяйстве-то зацепишься, разорвется.

Глава одиннадцатая

«Пасху мы служили тайно, по домам...»

– Расскажи, как Пасху встречали в Торжке во время твоей молодости? Тогдашняя оболваненная молодежь срывала Пасхальные службы.

– И в Торжке так было. Ну, я никогда не ходила.

– И на Пасху не ходила в храм?

– На эти советские – нет. Священники-то на дому служили.

– Тайно?

– Да.

– А праздник Святой Троицы разрешали служить?

– Ничего не разрешали, по домам служили.

– Батюшкина дочка, Маша Свешникова, написала книжку: «Поездка в Красное». В ней рассказывается, как семья Емельяновых ездила с детьми в село Красное в Тверской области на Пасхальное богослужение. В Москве детей не пускали на Пасхальную службу, поэтому они поехали туда.

– В Красное и наши христиане ездили на службы; они дружили там с отцом Алексием Злобиным; каждую неделю ездили.

Однажды (не помню, в каком году) я возвращалась из Иоанно-Богословского храма; голосую, никто не останавливается. Ну, думаю, придется до самого дома пешком топать. Вдруг остановилась одна машина. Шофер говорит: «Садись, мать, подвезу». Я села; смотрю на шофера и глазам не верю. Говорю: «Отец Алексей, это вы?» Он говорит: «Я». Вот так встретились. Это была последняя моя встреча с ним.

Батюшка Алексей очень дружил с отцом Александром Ильиным; он, батюшка Алексей-то, духовно возрастал под руководством своего друга.

– Тот в Торжке служил?

– Он в Новгороде в последнее время служил. А перед Новгородом в Луге, а перед Лугой в Аркадахе, сразу после того, как его выпустили из тюрьмы.

«Еда для меня – дело второстепенное...»

– Скажи, какое твое любимое кушанье?

– А я особенно не разбираюсь в кушаньях. Когда дома жила и ходила на работу, то брала с собой сухарей, чай. На работе были газовые плитки: варится какая-нибудь еда. Мы и чай заварим. И дома у меня всегда скудно было, я не занималась едой, она для меня – дело второстепенное. Не единым хлебом жив человек. И потом я люблю средопятничать, никогда не нарушаю эти дни...

– Я помню, круглый год у тебя супчик: картошка, морковка и лучок.

– Ой, а свежесваренное, когда голодный, так до чего вкусно! Я и не гонюсь за другими блюдами. Покуда есть хлеб да вода, все не беда... А у отца Алексия, помню: русская печка топится. Паломник Лукьян подкладывает дрова в печь, да и говорит: «Поленья такие кривые, что не знаешь, с какой стороны ухватиться...» А батюшка, ни к кому не обращаясь: «Кривы дрова, да прямо горят...»

Щи наваристые получались, а все потому, что варились не в кастрюле, а в чугуне. Эти щи все ели с большим аппетитом. Вот, значит, потрапезничали, а Лукьян говорит: «Пахом-пастух опять уехал в райцентр». Лукьян жил у батюшки все лето, поэтому знал все деревенские новости. «На этот раз зачем?» – спросил отец Алексей. «Бабы бают: новые сапоги справлять». «Коровы сызнава по домам?» «Выходит, по домам. Нашу Пеструху я вывел на поскотину». «И то ладно... Ох уж, этот Пахом. Не быть ему добрым пастухом. Добрый пастух не о себе печется – о скотине».

– *Что тебе больше нравится собирать в лесу – ягоды или грибы?*

– Грибы-то больше: все-таки ходишь по лесу. Так приятно. Увидишь грибок, другой, третий, особенно где еще не был человек. А то, другой раз, жители-то рано утром пойдут да и соберут. А ягоды, конечно, труднее: сидишь на одном месте.

– *Зато, если чернику или землянику нашла, знаешь, какие вкусные?*

– Что Бог дает, все хорошо.

«Я всю жизнь гналась за Евангелием»

– *Бывали ли у тебя деньги?*

– Какие-то бывали, ведь я работала.

– *Не гналась за деньгами?*

– Я всю жизнь гналась за Евангелием. Втапоры только и думала: где бы добыть Евангелие, да почитать. Христос меня всему научил. Он меня и поит, и кормит, и одевает, и дает крышу над головой, и согревает, и вразумляет, и исцеляет, приходит на помощь в искушениях, не дает блуждать уму, хранит на каждом шагу, укрепляет Своею благодатью. Христос – моя сила, мой разум, мой свет, моя надежда...

А деньги – это прах: ну их в тар-та-рах!

– *Ты прощаешь людей?*

– А как же, я прощаю всех без исключения. Ни на кого не держу зла, ко всем надо ласковым быть. Ласковое слово – что вешний день.

– *А если сама кого ненароком обидишь?*

– Я сразу прошу прощения. Просить прощение еще радостнее – Христос вселяется в сердце...

Глава двенадцатая

«За других молиться – первое дело...»

– *Мать Ефрема, Иисусову молитву ты читаешь?*

– Один старец, когда мне давал Иисусову молитву, сказал, чтобы я три сотни ночью прогоняла. Я спросила: «А днем как?» «А днем непрерывно».

– *Ночью тихо...*

– Я читаю и акафисты, иногда прочитаю все, от начала до конца. Без молитв я не бываю, ночеденно молюсь, стараюсь, чтоб разумная была молитва, чтоб ум участвовал и сердце.

– *Это непросто...*

– Мать игуменья один раз спросила меня насчет Иисусовой молитвы: «А сколько ты читаешь»? Я тогда читала на триста. Она: «Ой, мало, мало». Ну, я стала читать на пятьсот и молиться за нее, за игуменью, потому что она меня просила. Я вижу, что ей тяжело. Больно народу много, и все такое. И как-то старалась, а сейчас все труднее и труднее... Но все равно принуждаю себя: за других молиться – первое дело...

Ночью, как лягу спать, начинаю читать. Считаю, считаю и забываю, сколько я прочитала, две сотни или три. Ну, все-таки добью до пяти сотен. Когда читаю, так считаю эти сотни: внимание-то не спит, бодрствует. Я в последнее время даже не стала считать. Говорю: все равно не исполняю, лучше уж спать буду...

– *А четки у тебя на пятьдесят?*

– На сто. Когда считаешь, мысли внимательнее становятся. Я переживала сначала, что плохо исполняю Иисусову молитву. Господи, до чего дошло дело! Батюшке я писала, Владиславу. Он прислал ответ: «Мы с тобой уже стали старые, мне восемьдесят, а тебе еще больше». Ну, чувствую, он меня уже списывает.

– *А мы его спрашивали: «Батюшка, а вы читаете Иисусову молитву? Он говорит: «Не-а».*

– Он, правда, так ответил?

– *Он просто так сказал, скрывает все от нас. А на самом деле читает. Хорошо, что ты не скрываешь ничего.*

– Да, люди к старости все больше молитву приобретают, а я совсем теряю. Ужас какой. А теперь даже, последние ночи, ложусь спать и говорю: буду читать молитву, а считать не буду, чтобы мне не фиксировать ум. Сколько прочитаю, столько и ладно.

- Ангел Хранитель за тебя считает.
- Ангел Хранитель считает, а я-то...
- Так что не беспокойся, там все просчитано.

«В канонах много духовной мудрости...»

- Жалко, нету у меня здесь духовника.
- А отец Владислав? Он же по-прежнему остается твоим духовником.
- Он так далеко, что...
- Ты пиши ему письма.
- У меня сейчас и конвертов с маркой нету. Все, какие были, я использовала. Теперь и посылать не могу.
- Может быть, позвонить ему.
- Он сам мне жалуется, что у него конвертов нету.
- Конверты мы тебе купим, а ты все же позвони.
- Лучше письмецо.
- Кратенькие записки пиши, кратенькие вопросы задавай.
- Записала вопросы-то. Еще как-то думала, что он придет, вопросы записала, или я поеду к нему. А как поеду? У меня знакомый с машиной был, обещал свезти туда и обратно. А потом пропал: жена, наверно, отговорила, целый день тратить. В Москве трудно, дороги все заняты, надо ждать.
- Это правда, в Москве очень трудно проехать.
- Как быть, не знаю.
- Мать Евпраксия просит, чтобы отец Владислав сюда приехал, и мне говорит: «Привезите его сюда». А когда я батюшке сказала, он обрадовался. Я говорю: «Батюшка, машину мы найдем, моя дочка с машиной». А тебе, мать, туда ехать тяжело, зачем об этом мечтать.
- Батюшка целый день ведь затратит...
- Ну как целый день? Пусть он тут ночует, а утром Литургию отслужит. Услышите, как он служит потрясающе. Евхаристический канон – это просто чудо! Батюшка нам говорит: «Все участвуйте». Он вслух читает, а мы отвечаем: «Аминь! Аминь! Аминь!» Все молитвы слышны, они вообще потрясающие. А хор во время Евхаристического канона еле слышно, потому что самое главное в алтаре происходит.
- А я, как столб, стою в церкви, ничего не слышу, возгласы только одни.
- Я вчера канон слушала с удовольствием, сестры читали хорошо. А позавчера я только слышала возгласы: «Пресвятая Богородице, спаси нас!», «Святитель Иона Московский, моли Бога о нас!»
- Я тоже шибко люблю каноны, в них много духовной мудрости... Жалко, чтение везде слабеет...

– Ну что делать, это общая тенденция. По-русски почти все читают: «пАмилуй, пАмилуй». В монастырях это тоже теряется. Церковнославянский язык беднеет...

**«С грехами надо бороться
не на жизнь, а на смерть...»**

– Как хорошо, что церковь рядом, придешь и помолишься...

– Ну, конечно, там благодать такая.

– Смотря в каком настроении придешь; сегодня ничего, было настроение; стояла и смотрела: монахиня у стены молилась. Какие она поклоны клала, ой, голова ниже спины.

– Называются – метания.

– И редкие, в определенные моменты. Я соблюдаю тоже моменты эти, но чаще крещусь и не так раздельно. Я ухватилась за свои ходунки, они не дают поклоны такие класть, как эта монахиня, но все-таки я делала по возможности поклоны и крестилась; когда она, тогда и я.

– И мы пошли домой после запричастного.

– И я пошла домой.

– А батюшка вышел и стал исповедовать... Мы часто осуждаем людей, а у тебя случается такое?

– Да, осуждаю, и даже самый главный свой грех считаю, и стараюсь не разделять его ни с кем; сама в себе и погашаю его. Но я все же больше себя осуждаю, а не других. С грехами надо бороться не на жизнь, а на смерть...

– Осуждение – страшная вещь...

– Я стараюсь не разглашать свои мысли худые: осужу в уме и замолчу... Или вот: дети не так ведут себя в храме, как положено. Один мой знакомый баловал свою дочку. А баловать нельзя. Традиция воспитания утеряна. Раньше бы на ум не пришло ребенка баловать, а когда все разрушено кругом, то уже ничего не поделаешь. Меня, например, вчера на службе поразило то, что у дочки одного прихожанина телефон зазвучал, как мяуканье кошки: «мя-у, мя-у». Монахини вскочили: где тут кошка? Она выбежала из храма; потом пришла, я ей говорю: ты хотя бы звук убери, богослужение же идет. А отец подошел и говорит: она ждала звонок от мамы...

Глава тринадцатая

«Я уже давно заказала себе гроб...»

– Думаешь ли ты о воздушных мытарствах?

– Как же не думать-то о них? Мало думаю, надо бы беспрестанно думать об этом. Все-таки мир увлекает, я очень привязана к земле.

– Да где мир? У тебя комната и храм. Какой мир, где он?

– Мир, везде мир.

– Вот эти воспоминания о Торжке, это тоже мир?

– Конечно. Многие люди думают, что проживут вечность, и о последнем дне не думают.

– Никто не думает об этом?

– Никто.

– Это атеистическое воспитание. Многие уже поняли, что обман был... А от смерти никто не уйдет, ни один человек.

– Всем хочется жить, наслаждаться жизнью. Если заикнешься о смерти, то: «молчи, хватит тебе». Никто не хочет слушать об этом.

– А кто тебе гроб подарил, который у тебя в домике?

– Я сама заказала.

– Он же большой. На кого ты заказывала?

– Так я не виновата, что мастер такой сделал. Я его в точности не знаю, какой он там.

– А в какой момент ты его заказала, этот гроб? Я думала, тебе какой-то батюшка оставил или подвижник.

– Нет, я сама заказала.

– Давно?

– Не так давно. Заказала и деньги заплатила, и они сделали. А я и забыла уже об этом. Приходит девочка, племянница, и говорит: возьмите заказ. А я говорю: «Как же я его возьму-то, уж вы привезите». У них там и машина. и мотоцикл, все есть. Ну, они привезли. Мы его поставили в сарай.

– Мастер ведь знал, что ты маленькая, а гроб сделал большой.

– Ну, я не знаю.

– Сверху он черный.

– Ну, да на это наплевать. Я заказала потому, что очень тяжелые гробы-то продаются. А этот будет стоять и высохнет, будет легонький.

– Вот молодец! Смотри, как хорошо продумала!

– А чего, это понятная вещь.

– А зачем, чтоб гроб был легкий?

– Ну, нести-то тяжело ведь.

– *Мы об этом и не думаем даже, и гроб не заказываем... Он так и остался там, в Торжке?*

– *Да.*

– *А как теперь? Ты скажешь, чтоб его привезли сюда или он там и останется?*

– *Скорее всего, там и останется. Вряд ли игуменя благословит, чтобы привезли сюда. Уж и не знаю, как меня будут хоронить. Они хоронят в ограде монахинь старых, а молодых за оградой, в поле. Ну, а я-то молодая ведь. Мать Савватия говорит: тебя за оградой не похоронят. А я отвечаю: мне все равно, где похоронят. Главное, чтоб отпели да поминали.*

– *Конечно... Был такой певец и композитор – архидиакон Роман (Тамберг). У него есть такая песня: «Вот настал мой радостный праздник». И описывает, как его хоронят, как братия пришла с ним проститься. Ну, такая хорошая песня. Есть где-то на кассетах... Он разбился с одним священником на автомобиле. Царство Небесное, он замечательные песни пел...*

Глава четырнадцатая

«Такую мне Господь жизнь определил»

– *Моя мама страдала бессонницей, ночью встанет, там речка была в деревне, меня будит: «Линочка, пойдем купаться».*

– *А ты?*

– *Я – бегом. Ночью ведь вода теплее, чем днем; одно удовольствие – окунуться с головой... А потом ее забрали...*

– *Какое время-то было страшное. А сколько лет она в Казахстане пробыла?*

– *Три года.*

– *И скончалась?*

– *Да. Там батюшка был, с которым она молилась в доме. Она помогала служить, потому что не было таких знатоков-то; машинку с собой взяла швейную, обшивала всех...*

– *Разве это легко? Она ведь не от хорошей жизни скончалась?*

– *От давления высокого.*

– *Переживала за всех...*

– Столько лет жизни ей Бог определил. А вот мне иную: за всех, за папу и за маму.

«Ее там так полюбили...»

– Мы прожили десять лет в Торжке. И вот... папу забрали, и мама поехала к нему...

– *Не помнишь, как это место называется в Казахстане?*

– Боровое. Ее там так полюбили... Мне письма присылали, все слезами облитые – так они ее жалели... Жалко, не знаю, где ее могила...

«Проходить под иконой – это большая благодать»

– *Мать Ефрема, завтра у нас будет Боголюбская. Ты сказала, она очень почиталась в Торжке...*

– Раньше было ее почитание большое, а сейчас такого нет. Но помнят все же этот день и этот праздник. Народ приходит, немножко поменьше, чем в Ефремов день. Раньше-то, в Ефремов день-то, в монастыре было какое празднество, ой-ё-ёй! Жара такая была, закапывали в землю чаны с кашей, с рыбой хорошей, с квасом. И по улицам из домов тоже выносили, ставили на столиках, чтобы кто захочет пить, попил квас. Это так мне рассказывали. Я-то это не застала. Я застала только: служат Литургию, потом молебен, ну, Крестный ход, конечно. Под иконой проходят все.

– *А что означает этот обычай – проходить под иконой?*

– Всегда под иконой проходят. Это большая благодать...

«Вся жизнь моя – сплошные милости от Бога!»

– *Прогневляешь ли ты Бога?*

– Прогневляю, ой, прогневляю.

– *А как?*

– Забываю о Нем. Надо все время помнить, а я забываю. Надо все время молиться, а я днем никогда и не молюсь, только молюсь, когда спать ложусь. Лягу на кровать и думаю: ну что ж, надо молитвы читать. Но иногда я, сидя на кровати, читаю, а иногда и лежу. Что же, разве это не прогневляет Бога? Да многим, многим я прогневляю. Злопамятность у меня есть и лишние разговоры, благодарности мало. Я человек не благодарный. Столько милости получаю от Бога! Вся жизнь моя – от Бога милости сплошные, а я мало благодарю Его. Молебны никогда не заказываю благодарственные или иные, тем более, я в церкви бываю. Постою, помолюсь, кто что закажет, и ладно.

Глава пятнадцатая

«Живи смиреннее, так всем будешь милее...»

– *Мать Ефрема, как бороться с грехами? Они как оковы у нас на руках и ногах.*

– Просить помощи Божией, нам самим ничего не сделать, а Господь все может.

– *Помню, я к тебе приезжала, и ты все время говорила: «Господи, как жить? Господи, как жить-то?»*

– Грехов у меня много. Когда иду на исповедь, вспоминаю их. А когда долго не исповедаюсь, так набираю. Может быть, чрезмерно веселюсь всякой мелочью, а потом стараюсь побыстрее исправиться. .

– *А ты записываешь грехи или устно говоришь?*

– Записываю, а если не подготовлюсь заранее, так и устно скажу; пока иду в церковь, вспоминаю; я довольно часто исповедуюсь.

– *Как научиться подражать Христу?*

– Самое главное – смирение во Христе. Смиряться, да и все.

– *Трудно приобрести смирение?*

– Ой, ой, да и ой!

– *Ну, а все же?*

– Когда всю кровь до последней малюсенькой капельки прольешь, тогда только немножко и узнаешь, что такое смирение. Одна знакомая христианка однажды сказала мне: «Живи смиреннее, так всем будешь милее». Так-то вот...

– *А гордыню куда деть?*

– Смиренье поборает гордыню, аки Давид Голиафа. Но на это уходят годы и годы... Господь всю жизнь меня смирял: то болезнь пошлет, то еще что-нибудь... Ногу сломала вот... это для того, чтобы я не занималась пустой беготней, а зашла бы в свою внутреннюю клетку и там бы оставалась...

– *Так и получилось...*

– Слава Богу за все! Он знает, что нам нужно. Я не забываю Его слова: «Смирись под крепкую руку Божию...»

– *Мать Ефрема, в народе говорят: смиренность – девичье ожерелье.*

– Я никогда в жизни не носила украшений, они мне совсем ни к чему, а вот от этого ожерелья я бы, наверно, не отказалась, потому что оно не материальное, а духовное.

«Хуже меня никого нет и не будет...»

– *Что нужно думать о себе?*

Мать Ефрема секунду-другую помедлила с ответом.

– О других-то мы часто думаем, а о себе совсем не часто... что я о себе скажу? Хуже меня-то никого и нет...

Потом добавила:

...и никогда не будет... ни на земле, ни под землей.

«Душу спасти – не лапоть сплести»

– *Мать Ефрема, трудно спастись?*

– Душу спасти – не лапоть сплести. Так сказал кто-то из Оптинских старцев. Не помню, кто, да это и не важно...

– *Своя воля сильно мешает?*

– Своя воля страшней неволи. Всю жизнь стараюсь избавиться от нее, а она не уходит... прилипчивая больно...

Глава шестнадцатая

«Вступать в комсомол я отказалась...»

– *А ты туфли на высоком каблуке носила в молодости?*

– Как-то у меня оказались, помню, туфли на каблуке, но я их не носила. И не танцевала никогда.

– *На танцы не ходила?*

– Нет. У нас была танцплощадка на горе, рядом с Домом культуры. Идешь из церкви вечером, там музыка гремит, танцуют.

– *Косметику тоже не употребляла?*

– Один раз еще в школе, не в школе, а в техникуме. Думаю, дай-ка попробую. Был у меня карандаш красный. Я губы накрасила, намазала брови и пошла в школу. Мальчишки смотрят на меня, выпучив глаза: что такое? Ну и все, один раз единственный.

– *Школа-то была советская. Ты, наверно, не поступала ни в комсомол, ни в пионеры, ни в октябрята?*

– Самый первый раз, когда записывали, по-моему, в пионеры, я думаю: как же мне быть? Я не записалась. А меня никто и не спросил. Учительница-то у нас старая была, обе учительницы старые в младших классах. Они узнали мое социальное положение. И вот был такой момент, когда нужно было подать сведения. Учительница подходит и говорит: «Папа-то не вышел из дьяконов?» Я говорю: «Нет». «Значит, служитель культа».

– *Написала?*

– Да, всю жизнь писали: «служитель культа».

– *А почему ты иногда его называешь священником, а иногда дьяконом?*

– Так он священником-то был в самые последние годы, один год, может быть. Семнадцать лет дьяконом служил.

– *А как стал священником?*

– Подошел такой момент, что нужны были в храмах священники, не хватало их. Ему давно предлагали стать священником, но он боялся чужие грехи на себя брать. А уж тут нельзя было отказаться.

– *А тебя не приглашали в комсомол вступить?*

– Может, и приглашали, но я отказалась.

– *А школьники хорошо к тебе относились? Вот у меня одна знакомая, она рассказывала, что мальчишки у нее прямо с груди крест срывали, когда она шла в школу.*

– Ко мне школьники хорошо относились, хотя и знали все обо мне.

– *Что вы лишенцы?*

– Ну, я-то не была лишенцем. Это родители мои только...

– *Семья священника, значит, лишенцы. Ты сама говорила, что на работу никуда не берут.*

– А нам работа-то и не нужна была. Вон церквей сколько. Мама дома шила на машинке. У меня вся молодость очень благополучная. Меня не притесняли, не дразнили, уважение чувствовалось.

«Вы меня настоящей артисткой сделали...»

– *Мать Ефрема, ты любишь русские народные песни?*

– Старинные или теперешние?

– Старинные.

– Ну, конечно. Но я больше люблю духовные народные песни.

– *Спой, пожалуйста, хоть одну.*

– Я пою по книжке, она на столе лежит.

Людмила сходила в келию и принесла нужную книжку.

– Ну вот, теперь другое дело.

Мать Ефрема раскрыла книжку.

– Песня называется «Милосердный Отец».

Она тихим, тонким голосом очень задушевно спела песню.

– *А вот ты однажды пела духовный стих «Не тоскуй ты, душа дорогая».*

Можешь его спеть?

– Могу.

Матушка спела, и нам очень понравилось, как она спела.

– Я так распелась, что еще хочется петь.

– *Ну, тогда спой нам «Слава Богу за все».*

– Ну ладно.

Она спела и этот духовный стих.

– Вы меня прямо настоящей артисткой сделали... Это ведь не я пою – душа моя поёт.

– *Сколько к тебе ездила, а не слышала, как ты поешь...*

– Какой из меня певец-то? Грех один...

Глава семнадцатая

«Ангел хранитель – мой первый помощник...»

– *Расскажи нам про твоего Ангела хранителя. Как ты с ним общаешься?*

– Как я могу с ним общаться? После вечерних молитв я говорю: «Святый Ангеле, хранителю мой, моли Бога о мне». Вот и все.

– *Ты чувствуешь его присутствие?*

– Это дело тонкое.

– *Ангел Хранитель помогает тебе молиться?*

– Конечно. Он помогает мне во всем. Если бы не он, я бы много нагрешила, а так он меня удерживает от греха.

– *Ты часто к нему обращаешься?*

– Конечно, ведь он мой первый помощник. Я так ему благодарна, так благодарна...

«Псалтирь – безопасная гавань для души»

– Ты Псалтирь часто читаешь?

– Каждый день.

– Помногу?

– Как получится. Иногда всю кафизму, а иногда и одного псалма достаточно. Псалтирь – это такая мудрость, такая глубина духовная, такой кладезь поучений и наставлений, что высказать невозможно! Каждый псалом пронзает меня насквозь! Ой, мое сердечко, иной раз оно трепещет, как дубовый листок в сильную бурю!.. Псалтирь – это... трудно и слово-то подобрать... это безопасная гавань для души...

– Ты, наверно, всю Псалтирь выучила наизусть.

– Ну, куда там... это не по моим плечам...

– А какой твой любимый псалом?

– М-м-м, любимый... Наверно, тридцать третий. «Благословлю Господа на всякое время, выну хвала Его во устех моих...»

«Я прямо валялась на полу в слезах – так хорошо они пели...»

– В храме Михаила Архангела отец Владислав три года служил. Как зовут регентишу? Капитолина?

– Да. Она была регент правого хора. А уж клироса-то и не было, потому что все умерли. Пришлось ей с нами петь. То она к нам придет на левый клирос, то мы к ней.

А какие певцы-то были хорошие, старинные. Ой, как они пели хорошо! Я прямо слушать не могла, валялась на полу в слезах.

– Отец Владислав недавно сказал нам, певчим: «Как же у меня старушки пели в Торжке – Богу молились с душой, а у вас все так... все мимо...»

– У нас два клироса было сначала. Левые пели только «Господи, помилуй», больше ничего. А правые пели все.

– Как о. Владислав служил?

– Истово. Он на каждом шагу наставлял нас. Начинается исповедь – говорит; после «Отче наш» – говорит; у креста – говорит, да так громко, что я не могла сосредоточиться. Мне приходилось читать часы, а он слово говорит; так я читаю и слушаю его.

– Отец Владислав говорит, что кэзэбэшиники пытались священников привлечь на свою сторону и быть сексотами, сотрудничать с ними. Батюшку тоже один раз вызвали в КГБ. А он говорит: «Ну, вы знаете, надо мной тоже есть начальство, как и у вас, я должен наверх доложить, что вы мне предлагаете сотрудничать с вами... И они от него отступились...»

**«Мыши от моей Серки
были в великой панике...»**

- *У тебя была кошка?*
- У меня была Серка, моя любимая кошечка; она прожила у меня десять лет.
- *Чем ты ее кормила?*
- Рыбкой; была такая рыбка путассу; не знаю, есть ли теперь она в магазинах... отварю и даю моей любимице, ей нравилось...
- *Убегала от тебя?*
- Летом постоянно убегала. У меня форточка всегда открыта, так она приноровилась сигать через форточку... это она по котам...
- *А насчет мышей?*
- Мышам она спуску не давала, они были от нее в великой панике... носу не высовывали из норок...
- *Ты смотри, какая молодчина!*
- Когда я приехала в монастырь, то скучала по моей Серке. Я попросила Маргаритушку привезти мне ее, и она привезла. Серка снова стала со мной жить; она ночевала у меня в ногах...
- *Про мышей забыла?*
- Как бы не так! Гоняла их так, что они с перепугу куда-то исчезли...

«Монахиня должна быть серьезной...»

- *Нравится тебе в монастыре?*
- Очень нравится. Через пять лет мне будет сто лет. Я, наверно, буду в земле лежать. Я не чувствую себя монахиней. Монахиня должна быть серьезная, а я болтушка.
- *Имя Ефрема в переводе с еврейского означает «плодовитый».*
- Я действительно плодовитая, даже очень...
- *На добрые дела?*
- Наоборот, на грехи. Их у меня мильён...
- *А ты их брось в океан.*
- Какой такой океан?
- *Имя ему – милосердие Божие.*
- Это самый лучший из всех океанов. Жалко, что я забываю о нем...

Глава восемнадцатая

Лидия

На другой лень мы пришли к матушке, как всегда, после утреннего богослужения; она сидела в своем любимом кресле и читала какую-то книгу.

– Не могу оторваться, – сказала она, увидев нас, – золотые слова.

– *Что за книга, если не секрет?*

– Про Марию.

– *А кто она?*

– Монахиня, как и я; хотя нет, что же это я говорю, она схимонахиня, не мне чета... Вот у кого надо поучиться, так это у нее... и брать пример...

– *Расскажи нам про нее.*

– Она училась в Московском университете на филологическом факультете. Закончив четыре курса, решила поехать в Италию, чтобы там продолжить образование (в Риме жила ее родственница). Время было трудное (шел 1918-й год), но это девушку не смутило; она прибыла в Одессу, где власть захватили французы; в визе ей отказали; она пошла в собор, упала на колени и долго молилась; когда выходила, то услышала, как один человек сказал другому: «Завтра в десять часов утра пароход «Афон» отправляется в Салоники». В указанное время Лидия (таково ее девическое имя) пришла на пристань и поднялась на судно. Так, без визы и без билета, она отправилась в плавание; через десять дней пароход прибыл в Салоники. Господь хранил странницу, она, минуя контроль, сошла на берег и на следующий день прибыла в Афины; тут она получила, наконец, итальянскую визу.

– *У нее была настоящая вера.*

– В том-то и дело, самая настоящая. Я забыла вам сказать, что еще в юности девушка стала вести (конечно, по Промыслу Божию) аскетический образ жизни: отказалась от мяса и сладостей, кушала только сырые овощи, фрукты и хлеб.

– *А дальше что с ней было.*

– Она пришла к своей богатой родственнице в Рим; однако среди роскоши жить не смогла и покинула город. Ее путь лежал в Париж, где Лидия предполагала продолжить свое образование.

Она шла пешком как нищая странница; питалась хлебом и фруктами, их ей давали люди, у которых просилась на ночлег.

В Париже она долго не задержалась, поняв, что ни литература, ни живопись, ни другие науки ее уже не интересуют.

У нее появилось желание побывать в городе Бари, поклониться мощам Святителя Николая и попросить у него благословение на дальнейший жизненный путь.

Прочитаю вам несколько слов из ее дневника: «Я имела Отцом Бога. Господь был мой покровитель, и у меня не было забот. Я проходила через города и селения. Все условности пали. Часто сидела где-нибудь на ступеньках дома, созерцала окружающее и славословила Бога, выведшего меня из темницы мира, чувствовала при этом радость, окрыленность мысли и благодарность».

Запомнили ее слова: «Бог вывел меня из темницы мира»? – обратилась к нам мать Ефрема. – Она была свободна, как птица. Вот что значит полностью вручить себя в руки Бога.

До Ниццы Лидия добиралась тридцать дней. Однажды на ее ногах появились огромные волдыри, и она не могла идти. Всю ночь, находясь в лесу, она молилась Богу. Наутро от ран не осталось и следа.

В Ницце странница часто приходила в русскую церковь, исповедовалась и причащалась Святых Христовых Таин. Священник сказал ей: «Раба Божия, твое место в монастыре». «Как будто некий огонь коснулся моего сердца», – призналась девушка. С этой минуты она стала думать о монастыре как месте своего дальнейшего пребывания.

Вскоре Лидия прибыла в Бари, где поклонилась святым мощам великого угодника Божия. «Мне показалось, что золотая река проникла в мое сердце», – такими словами выразила странница ощущение той минуты. Каждый день, после утренних молитв, она спешила в базилику, чтобы поблагодарить Святителя Николая за его милость и заботу.

– *Ты нам давеча рассказывала, как сильно любишь Николу угодника, – сказал я. – А в Бари ты была?*

– Чего нет, того нет. – Мать Ефрема покачала головой. – Хотелось бы, конечно, там побывать, но... Помечтать можно, но не больше... Вам молодым, другое дело... Людмила, ты была в Бари?

– *Не довелось.*

– А ты, раб Божий Николай?

– *Я был.*

– Молодец! Помолился угоднику Божию?

– *А как же, обо всех вас помолился.*

– Ну, спаси тебя Господь. Ходил той же дорогой в базилику, что и Лидия.

– *Наверно, так и было.*

Матушка заглянула в книгу.

– Посмотрим, как дальше обстояли ее дела. Девушка остановилась в Русском подворье. Однажды она сидела в келии и читала акафист Божией Матери «Скоропослушница». Постучав в дверь, к ней зашла матушка местного священника; в руках у нее была икона Божией Матери «Скоропослушница». «Я хочу подарить вам эту икону», – сказала она. «Чем это вызвано?» – спросила Лидия. «Я перебирала белье в комод и обнаружила икону. Вдруг я услышала голос: «Отдай ее страннице, которая пришла к тебе». Девушка от души поблагодарила матушку за бесценный дар.

«Я приняла вызов врага»

Через несколько дней произошло событие, которое полностью изменило внутренний мир Лидии. Вернувшись из базилики, она вошла в свою келию. Было около двенадцати часов дня. Неожиданно в ее сердце явственно прозвучало: «Не бойся!» В то же мгновение случилось нечто неожиданное: келию наполнило великое множество страшных, ужасных, отвратительных бесов, которые подняли невероятный шум, угрожая девушке. Она упала на колени и возопила, именно возопила, а не просто молилась: «Господи, пощади и помилуй! Не оставь меня, грешную и немощную! Избавь меня от мрачных демонов! Спаси мою душу грешную!»

Трое суток продолжалась отчаянная духовная брань. Странница встала с колен совсем другим человеком. «У меня раскрылись глаза, – записала она в дневнике. – Страшная действительность раскрылась мне. Пришло время горьких испытаний; я приняла вызов врага».

– *А у тебя такое было? – спросил я у матушки Ефремы.*

– У меня-то... Кто вступил на путь спасения, тот, хочет или не хочет, ведет невидимую борьбу с силами преисподней...

Вскоре Лидия уехала в Черногорию; ей очень понравился монастырь святого Василия Острожского, который находился далеко в горах; она тайно поселилась в пещере недалеко от монастыря. «В округе было много волков, – вспоминала странница, – по ночам они выли, и душа моя от изнеможения стонала. Но все покрывала любовь Божия. Ночью, бывало, выйду из пещеры и молюсь под звездным небом: произношу «Отче наш» и чувствую себя в Отчем доме».

Ей очень хотелось встретить старицу, чтобы жить в ее полном послушании. Господь услышал слезную молитву юной подвижницы и привел ее в монастырь Жабка в Бессарабии. Здесь она встретила старицу Диодору. Монахине было около семидесяти, в течение сорока лет она выполняла в монастыре разные послушания, а теперь юродствовала. Она была оборванная, грязная, но Лидия ощутила в ней большую силу духа. Между ними

установилось таинственное духовное общение; они не разговаривали, однако прекрасно понимали друг друга.

По молитвам блаженной старицы духи злобы оставили подвижницу, она могла теперь молиться в тишине. В монастыре она прожила довольно долго, став послушницей. Постепенно Лидия духовно возрастала; она претерпела много скорбей; по ложному доносу была арестована, томилась в тюремных застенках. Господь вел ее по тернистому пути, готовя ей неувядаемые венцы.

Через несколько лет она стала монахиней, а потом схимонахиней, продолжая успешно шагать по духовной лестнице. Теперь у нее появилось новое имя – Мария.

«Я больше всех люблю Макария Великого»

Началась новая эпоха в жизни русской подвижницы. Она переехала в Югославию. Здесь она встретила архиепископа Феофана (Быстрова), который до конца жизни стал ее духовным наставником.

Схимонахиня Мария стала игуменией монастыря святых мучеников Кирика и Иулитты около Цариброда. Устав в обители был строгий. Сестры вставали в три часа ночи, читали в келиях полунощницу, а потом шли в церковь; Божественная Литургия заканчивалась в семь утра. После этого матушка отдавала благочинной распоряжения о предстоящих делах, а сама запиралась на два часа для совершения келейного правила. Она говорила, что без молитвы не смогла бы руководить сестрами.

В полдень бывал обед, затем краткий отдых. Молитвы на сон грядущим сестры читали самостоятельно по келиям. Матушка считала, что это лучше, чем общее чтение этих молитв в церкви. В девять часов был отбой.

Игумения спала, как правило, четыре часа, но очень часто меньше (по разным причинам), а то и вовсе не ложилась. По вечерам она принимала сестер на откровение помыслов. Благодаря чтению житий святых отцов и следованию их учению матушка обрела большую опытность в духовной жизни. Из святых отцов она больше всех любила Макария Великого.

Матушка вела суровую аскетическую жизнь: считала себя грешнее всех сестер, спала на полу, двадцать лет питалась одним хлебом, и то понемногу, а было время, когда несколько лет вообще не ела хлеба, а только сырые овощи. Великим постом первую, четвертую и последнюю седмицы проводила без пищи и питья, как и в первую неделю Успенского поста. Носила долгое время вериги, пока не заболела очень сильно, тогда пришлось их снять.

За сугубые проступки своих духовных чад матушка наказывала совершенно необычным способом: несколько дней оставалась без пищи и питья. Более страшного порицания для любящих ее и быть не могло.

– Ой, ой, ой, какая высота! Ой, как сильно надо любить других, чтобы пойти на такой шаг! Уму непостижимо! – Мать Ефрема долго-долго качала головой.

Игуменья достигла высшей степени Иисусовой молитвы – умносердечной. Она говорила, что ее сердце и во сне молится.

– Н-да, не каждому удается такое...

Она была человеком очень чистой жизни, как-то призналась, что не помнит, чтобы у нее были нечистые плотские помыслы. Для нее неважно было, кто, что о ней подумает и скажет, значение придавала только состоянию совести пред Богом.

Мария была совершенно незлобива и очень милосердна. Никого не осуждала и не терпела осуждения других. Она очень строго взыскивала со своих духовных чад за этот грех. Бывало, ей рассказывают с осуждением, что на нее кто-то клеветает; матушка сразу пресекала такие речи: «Что бы обо мне ни сказали, не скажут того, чего я действительно достойна за свои грехи».

Однажды матушка сказала:

«Жизнь – не обыкновенная вещь, которую можно провести разумно, нравственно, красиво, и только (идеал философии и науки). Жизнь подобна человеку, после кораблекрушения оказавшемуся нагим в море. Цель его – только бы ухватиться за предмет, могущий доставить его к берегу. В действительности существует только свет Христов и тьма дьявольская, а середины нет. Все остальное – соблазны и заблуждения. Только светом Христовым можно различить тьму сатанинскую. «Свете тихий святых славы», спаси нас».

Исповедница

В то время в Югославии царил атеистический гнет Иосипа Броз Тито. Безбожники предложили игуменье отказаться от подчинения Московской Патриархии и от русского гражданства. Мария ответила решительным отказом. Тогда ее со всеми русскими сестрами насильно вывезли в товарном вагоне в Албанию. Сербские монахини неутешно плакали и рвались к матушке, но им было приказано остаться.

В Албании русским беженцам по ходатайству Патриарха Алексия I разрешили занять один из монастырей. Однако пребывание в чужой не православной стране их сильно тяготило. В своих молитвах матушка просила Господа указать новую страну и новое место. Выбор пал на Болгарию. В 1954-ом году матушка с сестрами переселились в эту дружественную славянскую страну.

Марии предоставили возможность самой выбрать монастырь; она познакомилась со многими обителями, но все было не то. Наконец, ей понравился маленький полуразрушенный скит преподобной Параскевы-Петки, который находился недалеко от Софии в чрезвычайно живописной местности. Скит был скоро восстановлен, и сестры воздали благодарение Богу за Его бесконечную милость.

«Вдруг ветер прекратился, и огонь погас»

Игуменья Мария обладала даром прозорливости, который она тщательно скрывала. Как-то (это было еще в Югославии) в монастырь привезли бесноватую женщину. Во время Литургии матушка молилась о ней, а бесноватая, стоя сзади нее, громко кричала: «Ты меня мучишь! Ты меня мучишь!» На «Херувимской» бес с великим шумом покинул бесноватую, и та без чувств упала. Матушка подошла к ней, коснулась ее плеча, и женщина встала как ни в чем ни бывало.

Чуть позже в монастырь пришел человек, у которого была парализована рука. Он подошел к рабочему и сказал: «Мне приснилась преподобная Параскева и отправила меня в монастырь. Там о тебе помолится игуменья, – добавила она. Я в вашем монастыре впервые, но это именно тот, который я видел во сне».

Рабочий проводил его к матери Марии. Та пригласила болящего в храм. Через некоторое время он вышел обратно, очень радостный. «Я здоров!» – крикнул он весело, высоко поднимая исцеленную руку.

Вот еще один удивительный случай (это было уже в Болгарии). Весной несколько рабочих решили вскопать землю под огород вблизи монастыря, у лесного массива. Они зажгли сухую траву; неожиданно подул ветер, который погнал огонь к деревьям. Опасность была большая: если загорится лес, то пострадает и село, находившееся рядом. Хорошо, что рабочие были верующие, они обратились в своей молитве к игуменье, прося ее скорой защиты. Вдруг ветер прекратился, и огонь погас.

Мать Ефрема закрыла книгу, заложив нужную страницу ладонью.

– Это только малая капля из того, что совершила игуменья своими святыми молитвами к Богу.

Особенно большие скорби и испытания ей пришлось пережить во время последней войны. Она кормила и прятала в монастыре партизан, несмотря на предупреждение немецких и итальянских оккупационных властей, обещавших не трогать монахинь только в том случае, если те не будут помогать партизанам; в противном случае грозили монастырь уничтожить. Оккупанты узнали, что матушка принимает партизан; ее занесли в список приговоренных к смертной казни. Ее спас один болгарский полковник, который бывал в монастыре, любил беседовать с матушкой, брал у нее духовные книги. Он вовремя предупредил ее, и она удалилась в безопасное место.

– Слава Тебе, Господи, что Ты спас Свою верную рабу, – сказала мать Ефрема.

Сестры очень любили свою игуменью. Однажды в монастырь приехал представитель местного епархиального архиерея и объявил, что половину сестер решено отправить в другой монастырь. Насельницы с плачем умоляли его не делать этого. Посланник с изумлением заметил, обращаясь к игуменье:

«Старших монахинь я понимаю, но когда к вам успели так привязаться новоначальные послушницы?» Он доложил епископу, что отделить сестер от их духовной матери невозможно.

Матушка постоянно помнила свою Родину и, не переставая, молилась о ней. Она сказала: «Надо молить Господа, чтобы даровал великое покаяние православным людям. Только в этом спасение России и мира».

«Сколько добра она сделала для меня»

Теплые воспоминания о схиигумении Марии оставил епископ Макариопольский Гавриил (Динев). Он познакомился с духовной старицей в 1972-ом году, а на следующий год оказался в ее монастыре. «Сколько добра она сделала для меня, сколько сил и времени посвятила мне, обо всем этом и не расскажешь, – пишет он. – Она старалась глубоко проникнуться состоянием моей души и необычайно терпеливо помогала мне избавляться от страстей и мирских привычек. Она была необычайно умна, образована, талантлива, начитана. Но не это привлекало к ней людей... всему этому способствовала ее любовь во Христе.

За полтора года до смерти она сильно занемогла, – продолжает владыка, – начал страшно болеть позвоночник, потом ноги и руки... У нее на протяжении сорока лет был суставной артрит, болезнь с годами обострялась. Последние десять-пятнадцать лет она страдала от шума в ушах, особенно когда уставала, говорила, что ей кажется, будто мимо ворот едут сотни танков. Лекарств она никогда не принимала, все терпела и благодарила Бога».

– Какую силу воли надо иметь, какой дух, чтобы выносить такое, – сказала мать Ефрема. – Ой, какие это муки, по себе знаю...

«Пришел Великий пост 1978 года. Матушка постилась так же строго, как всегда. На Крестопоклонной седмице боли у нее усилились и уже до самой кончины не прекращались. В Лазареву субботу она пособоровалась. За эти дни несколько раз причащалась... В воскресенье вечером матушка еще немного говорила...

Я попросил у нее прощения за все, чем согрешил перед ней. Она сказала: «Бог простит... Таков путь...» До утра сидел я у ее кровати при керосиновой лампе и плакал. В какой-то момент ее дыхание начало прерываться. Последний вздох – и вдруг она открыла глаза. Как можно словами выразить то, что я увидел? В ее глазах была бездна неимоверной скорби, такой, что превосходит земные измерения. И через миг глаза закрылись... Я почувствовал, что даже в последние часы своей жизни, при переходе в другой мир, она переживала не столько за себя, сколько болела и скорбела душой об остающихся, о тех, кто лишился своей наставницы, горячо любящей духовной матери и покровительницы...

Икону Божией Матери «Скоропослушница», с которой она не расставалась в течение всей своей жизни, мы положили в ее гроб.

Во мне живет уверенность, что народ (имею в виду русских), способный рождать таких церковных чад, – это народ великий и необычайно богатый. Такой народ будет храним Богом до скончания века».

Мать Ефрема отложила книгу и надолго замолчала; мы не смели тревожить ее; прошло, наверно, полчаса, а может, и больше, прежде чем она очнулась от своих раздумий.

– Да, вот какие дивные подвижницы бывают на белом свете, – промолвила она, снова взяв в руки книгу и погладив ее, как будто она была живая. – Духовная жемчужина – вот кто такая схимонахиня Мария! Да что жемчужина... это даже... ну вот, и слов нужных не могу найти...

Уже третий раз перечитываю эту книгу и, пока жива, снова и снова буду возвращаться к ней; она сильно поддерживает меня...

Глава девятнадцатая

Райская птичка

Мы выпили по чашке чаю, а потом я спросил у матушки Ефремы:

– *Ты сны видишь?*

– Очень редко. Третьеводни приснился необычный сон. Будто я вошла в сад необыкновенной красоты. Он утопал в цветах; цветы были такие яркие, такие красивые, такие нежные, что хотелось подойти к каждому цветочку и подольше полюбоваться им; все они издавали чудное благоухание.

В саду было много прудов, они отличались один от другого не только формой, но и цветом воды; в них плавали, колыхаясь на едва заметных волнах, белоснежные лилии; лебеди были так изящно-красивы, что... это были не лебеди, а настоящие произведения искусства; маленькие серебристые рыбки так быстро носились в воде, что за ними невозможно было уследить.

На ветках сидели дивные птички; они так пели, так пели, что... это невозможно передать... я такого пения никогда не слыхала... у меня прямо сердце зашло. Я переходила из одной аллеи в другую, а пение не прекращалось; оно звучало везде, и уши мои никак не могли насладиться им.

Одна птичка, вспорхнув с жасминовой ветки, села мне на плечо; она спела одну песню, потом другую... я была в восторге... я подставила ладони, и она села на них... «Чудная птичка, – сказала я, – я так тебя люблю!»

Она повернула ко мне свою маленькую хорошенькую головку и сказала: «И я тебя люблю!»

После этого она вспорхнула крылышками и улетела. Больше я ее не видела, хотя долго ходила по саду и смотря по сторонам.

Вот и весь мой сон.

– *А где это все было?*

– Да разве я знаю.

– *Может, в Раю?*

– Я знаю только, что на земле такого не увидишь и не услышишь.

Глава двадцатая

«Я даже не начинала своего покаяния...»

– *Мать Ефрема, ты спасешься?*

– Как я спасусь, если даже не начинала своего покаяния? Все спасутся – одна я погибну. Ад – вот то место, где я окажусь после моей смерти. А, может, и в ад-то меня не возьмут.

– *А куда тогда?*

– Ой, не знаю, ой, не знаю.

– *А если дать тебе еще время, год или два, на покаяние.*

– Я же говорила, что я ленивая. Дай мне еще хоть сто, хоть двести лет – я только новых грехов наберусь, и все...

Смиренный волк

– *Что ты знаешь о смиренном человеке?*

– О смиренном человеке я не знаю ничего. Я знаю только о смиренном волке.

– *Ну, скажи.*

– Смиренного волка и телята лизут...

«Не судите меня строго...»

– *Мать Ефрема, мы завтра уезжаем. Что ты нам на прощанье скажешь?*

– Я ничего вам хорошего не сказала. Время только провела, да и все. Спасаться, вы и сами знаете, как надо...

– *Знаем да ленимся.*

– Не судите меня строго... Хотела угодить, да не умею.

– *Мы очень довольны. Пообщались очень хорошо. Прости нас, что надоедали тебе... всякие вопросы задавали... время у тебя отнимали...*

– Бог простит. Простите и меня, глупую и неразумную...

– *Бог сторицей простит.*

Заключение

Пять лет промелькнули, как пять минут. Монахине Ефреме исполнилось сто лет! Мы снова помчались в Оршин монастырь. Встреча опять была радостной. Матушка выглядела такой же, какой мы запомнили ее пять лет назад: лицо бледное, как у всех пожилых монахинь, зато глаза добрые, ласковые. Она была все в том же простеньком апостольнике с веселыми цветочками.

Кажется, время не имело над нею никакой власти.

– *Ты нас ждала?* – спросил я.

– Конечно. Я знала, что вы приедете.

– *Как твое здоровье?*

– На все сто!

Я мог бы и не задавать этот вопрос, так как благостное лицо матушки говорило лучше всяких слов.

– *Сто лет. Не у каждого такое бывает. Скажи нам: сто лет – это много?*

Мать Ефрема ненадолго задумалась.

– Долог день, да нитка коротка.

Она глубоко вздохнула.

– Жду еще одного человека.

– *Кого именно?*

– Отца Владислава. Чует мое сердце: не сегодня-завтра появится.

– *Что может быть лучше!*

– Я догадываюсь, что он мне скажет.

– *Что-то важное?*

– Не знаю, важное или не важное, но, мне кажется, он благословит меня прожить еще пять лет.

– Ты наперед говорила, что он тебя уже списывает.

– Списывать-то проще всего. А вот повести дальше – это посерьезнее...

– *Так радуйся этому...*

– А вот влезь в мою шкуру. Я вся дрожу. Это же не шутка – еще пять лет! Я ведь не Сарра и не Ревекка, которые прожили очень долго, и хоть бы что. Для меня это... страсть, как боюсь...

– *Все в Божьих руках.*

– Ну, скажите, что мне делать? Возражать? Нельзя – он мой духовный отец. Что скажет – выполняй.

Матушка еще раз глубоко вздохнула, поправила апостольник и посмотрела в окно, как будто там могла увидеть свою завтрашнюю судьбу.

– Видно, придется смириться – другого пути не вижу...

Конец, и Богу слава!

Содержание

Вступление

Глава первая

«С Богом везде хорошо»

«Благословляю в монастырь»

«Вот эту девушку надо постригать»

Глава вторая

«Никола угодник мне всегда помогает»

«Я человек грешный...»

«Жизнь хорошая, это я плохая...»

Глава третья

«Моя мама была псаломщицей»

Глава четвертая

Отец Сергей (Сребрянский)

Новомученик

Забавный котенок

Глава пятая

«Я пришел к вам умирать...»

«Очень тяжелые времена были...»

Глава шестая

«Торжок разбомбили очень сильно»

«Я была болезненная девочка»

Глава седьмая

«Батюшка, пройдемте с нами...»

«Давайте все вместе

прославим Царицу Небесную...»

Глава восьмая

«Христовы слова самые дорогие...»

«Я стараюсь быть не гордой»

Глава девятая

«Вообще я духом не падаю»

«Отец Владислав был для меня всё!»

«Тридцать километров, и все пешком...»

Глава десятая

«Я каждую ночь в Торжке живу»

«Работа на огороде очень приятная...»

Глава одиннадцатая

«Пасху мы служили тайно, по домам...»

«Еда для меня – дело второстепенное...»

«Я всю жизнь гналась за Евангелием»

Глава двенадцатая

«За других молиться – первое дело...»

«В канонах много духовной мудрости...»

«С грехами надо бороться
не на жизнь, а на смерть...»

Глава тринадцатая

«Я уже давно заказала себе гроб...»

Глава четырнадцатая

«Такую мне Господь жизнь определил»

«Ее там так полюбили...»

«Проходить под иконой – это большая благодать»

«Вся жизнь моя – сплошные милости от Бога!»

Глава пятнадцатая

«Живи смиреннее, так всем будешь милее...»

«Хуже меня никого нет и не будет...»

«Душу спасти – не лапоть сплести»

Глава шестнадцатая

«Вступать в комсомол я отказалась...»

«Вы меня настоящей артисткой сделали...»

Глава семнадцатая

«Ангел хранитель – мой первый помощник...»

«Псалтирь – безопасная гавань для души»

«Я прямо валялась на полу в слезах – так хорошо они пели...»

«Мыши от моей Серки были в великой панике...»

«Монахиня должна быть серьезной...»

Глава восемнадцатая

Лидия

Странница

«Я приняла вызов врага»

«Я больше всех люблю Макария Великого»

Исповедница

«Вдруг ветер прекратился, и огонь погас»

«Сколько добра она сделала для меня...»

Глава девятнадцатая

Райская птичка

Глава двадцатая

«Я даже не начинала своего покаяния...»

Смирный волк

«Не судите меня строго...»

Заключение